

К 125-летию со дня

рождения

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

БЕССМЕРТИЕ

ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ — явление мирового значения, что признано людьми разных национальностей и разных поколений. И мы гордимся, что его могучий талант родился и мужал именно на российской земле в эпоху предреволюционных бурь и потрясений, в период созревания классового самосознания пролетариата в борьбе против тлетворного царского режима, превратившего Россию в тюрьму народов.

Я далек от мысли, чтобы называть Шолом-Алейхему сознательным революционером. Да, он был знаком с учением Маркса. Да, он был близок революционным демократам. Но он не был марксистом. И все же истинный талант Шолом-Алейхем явился тем верным компасом, который привел автора к социально правильным выводам и оценкам, объективно способствовал революционному воспитанию читателя.

Основоположник новой еврейской литературы, он был прогрессивен и в выборе языка своих произведений. Писатель отверг иврит — язык религиозного культа сионистски настроенных кругов буржуазной интеллигенции — и тем самым сделал социальный и, замечу, для того времени нелегкий выбор. Он стал писать на идиш — языке народном, разговорном, языке красивом, богатом, сочным, языке масс. Художник выдержал нападки и травлю со стороны оторванной от

реальной жизни еврейской верхушки, считавшей идиш жаргоном, диалектом, языком вульгарным, ограниченным — словом, языком «низов». А ведь именно для этих «низов» — самых простых людей и писал Шолом-Алейхем.

Творчество Шолом-Алейхем удивительно по своей социальной глубине, по множеству колоритных, живых образов людей — бедных и богатых, угнетателей и угнетенных, умелых и неумелых, порядочных и бесчестных. Это галерея неповторимых человеческих типов разных национальностей, и прежде всего, конечно, еврейского люда на рубеже острого классового расслоения.

Неунывающий, морально сильный и здоровый Тевье, скромный портной Шимон-Эля, бедный богатырь Нахмен Веребовский, молсдой марксист-революционер Миша Грузевич, чистый мальчик Мотл, несчастная эмигрантка Броха — эти и другие милые сердцу автoра персонажи описаны с любовью и нежностью, с достоверным проникновением в сердца и души их, с верой в правду и возможное счастье.

И каким гневным, саркастическим становится перо художника, когда он создает фигуры богача Мордхе-Носона, биржевого дельца Файфера жули-

ка Аркадия Швейцера, львовского мецената Ловиуса, пройдох Кламера, Муравчика, Швабла...

Шолом-Алейхем был художником-провидцем. Живя в тяжелейших условиях царского самодержавия, он истово верил в светлое будущее еврейского трудового народа в счастлившую судьбу своей Родины.

За два года до кончины писатель пророчески заметил: «Будущее нашего народа только здесь, в стране, где мы живем. Миссия тяжелый час, развеются темные тучи, небо станет ясным...».

Жизнь не баловала Шолом-Алейхему. Сын небогатых, вскоре и вовсе разгорившихся родителей, ученик ешибота — еврей-

ского религиозного учебного заведения, а затем уездного училища, учитель русского языка и несостоявшийся равин, неудавшийся делец и признанный в мире писатель, человек, высоко ценимый Короленко, Чеховым, Толстым, Горьким, и автор, не имеющий гроша на пропитание, патриот, мечтавший закончить свой жизненный путь на родной Полтавщине, и эмигрант, покинутый Шолом-Алейхем, — Гоголя и Чехова. Русская культура и русская литература, как, кстати, и передовая украинская литература, оказали огромное влияние на творчество знаменитого мастера. И русский читатель проявлял огромное и заинтересованное внимание к произ-

ре слез, пройдя сквозь его творческую призму, превратилось в смех. Конечно, природа смеха Шолом-Алейхем, не проста. Более того, она противоречива. А еще точнее, слезы и смех сливаются у него воедино, как это часто бывает в жизни.

Нельзя здесь не вспомнить дух великих русских художников, перед творчеством которых преклонялся Шолом-Алейхем, — Гоголя и Чехова. Русская культура и русская литература, как, кстати, и передовая украинская литература, оказали огромное влияние на творчество знаменитого мастера. И русский читатель проявлял огромное и заинтересованное внимание к произ-

ведениям этого большого писателя. Уже в 1910—1913 годах вышло собрание сочинений Шолом-Алейхем на русском языке в восьми томах. Книги Шолом-Алейхем закономерно вошли в круг русского чтения.

Огромное наследие оставил миру Шолом-Алейхем: «Два камня», «Песнь песней», «Менахем-Мендл», «Потоп», «С ярмарки», «Мальчик Мотл», «Степеню», «Иоселе-Соловей», «Блуждающие звезды», «Человек из Буэнос-Айреса», «Записки коммивояжера», «Мечтатели», «Суд над Шомером», «Кровавая шутка», десятки пьес, рассказов, стихотворений, статей и выступлений. И все это выдержало испытание временем.

Микола Бажан писал о Шолом-Алейхеме:

«Это имя стоит в ряду прекрасных и дорогих для человечества имен Гоголя и Диккенса, Чехова и Мопассана, Лу Синя и Ивана Франко. Из того же драгоценного сплава любви и печали, радости и гнева, шутки и смеха отливали они образы своих героев».

Вспомним хотя бы Лео и Розу — главных персонажей «Блуждающих звезд» или героев предшествующих им романов «Степеню» и «Иоселе-Соловей» — своеобразной трилогии о судьбах творческой интеллигенции. Жизнь музыканта, певца и особенно актера Лео Рафалеску — это вечный поиск творческого счастья, это вопрос о месте искусства в жизни общества.

Правду социальных отношений Шолом-Алейхем больше ощущал, чем осознавал, но ощущал он ее, как талантливый худож-

ник, исторически точно. И как рушится любовь Лео и Розы, так рушится судьба крупного актера, который в условиях буржуазного общества не может найти достойного приращения своим способностям.

В гневной и едкой книге «Суд над Шомером» Шолом-Алейхем убийственно разоблачил приспосабличество в искусстве, с документальной точностью показал бесплодность сочинительства на потребу «сильным мира сего», калечащим не только жизни, но — что самое страшное — души людей.

Писатель-интернационалист, Шолом-Алейхем никогда не противопоставлял судьбу своего народа судьбам иных народов. В противовес традиционной, «чистой» еврейской литературе, которой был свойствен «вечный плач на реках Вавилонских», он создал новое, оптимистическое направление, вывел совершенно новых героев. Таковы, к примеру, русский Березняк, украинец Романенко и еврейка Маша Башевич — персонажи романа «Потоп». А как пророчески звучат слова Маши в финале романа, в которых удивительно ясно и сильно выражен смысл и значение всего творчества Шолом-Алейхем: «Поток крои разольется по всей стране. Волны крови затопят грешную землю и смоят с нее всю грязь. А потом рассеются тучи темные, займут солнце в лазурном небе и радостным светом озарится вся земля».

Особенно дорог и близок автору образ Тевье-молочника. И, видимо, не случайно писатель вкладыв-

ает в его уста многие свои собственные взгляды по вопросам этики, морали, политики. Именно Тевье провозглашает идеи равенства, братства народов, выступает против национальной ограниченности, розни, вражды: «И зачем бог создал евреев и неевреев? А уж если он создал и тех и других, то почему они должны быть так разобщены, почему должны ненавидеть друг друга, как если бы одни были от бога, а другие — не от бога?..»

Наиболее автобиографичная в творчестве Шолом-Алейхем повесть «С ярмарки» — живое ощущение детских воспоминаний автора о своем родном местечке Воронково под Полтавой, названном в книге Касриловкой. Яркие краски этой повести, богат и познавателен ее язык, колоритны выведенные в ней персонажи. И думается, когда создавалась эта повесть, автор не мог не вспомнить своего давнего первого детского сочинения — словаря ругательств и проклятий, которые он слышал в свой адрес от злой мачехи. Тогда, в детстве, этот словарь был не только поводом для веселья и шуток друзей, но и активным протестом против зла и несправедливости. «С ярмарки» — живая история жизни русского еврейства, история его страданий и надежд и, как говорил сам автор, «творение моих творений, книга книг, песнь песней души моей».

Шолом-Алейхему были чужды нравы буржуазного мира, так называемые западные свободы. В частности, «американская демократия». Он говорил о Соединенных Штатах:

«Мы, еврейские литераторы, поработаны там, в свободной стране, больше, чем все другие рабы капитализма». И тут Шолом-Алейхем оказался пророческим. Как мы знаем, мало что изменилось в США за эти десятилетия по части прав человека.

Будучи тяжело больным, занесенный на чужбину, он мечтал вернуться на Родину. Но болезнь не позволяла сделать этого. И потому родилось его завещание: «Пусть меня похоронят не среди аристократов, знатных людей или богачей, а именно среди простых людей, рабочих, вместе с подлинным народом, так, чтобы памятник, который потом поставят на моей могиле, украсил скромные надгробия вокруг меня, а скромные могилы украсили бы мой памятник так же, как простой и честный народ при моей жизни был украшением своего народного писателя».

Шолом-Алейхем не мыслил себя вне родного народа даже после смерти. Подлинно народный писатель, он не представлял свою жизнь, а значит, и творчество, без кровной, обогащающей каждого истинного художника связи с народными судьбами.

В произведении «Суд над Шомером» автор так утверждал свое творческое кредо: «Писатель... народный писатель, художник, поэт, настоящий поэт является для своего времени, для своей эпохи своего рода зеркалом, в котором отражаются лучи жизни, как в чистом источнике — лучи светлого солнца...». Это созвучие эпохе, что есть прежде всего отражение прогрессивных, гуманистических позиций, жизненно важных проблем, волнующих

всю во все времена человечество, и обещание Шолом-Алейхему бессмертия.

Гуманизм и человечность писателя, его интернационализм всегда вызвали и вызывают бешеную злобу у сил реакции. Вот почему в мрачные времена фашизма гитлеровцы бросали книги Шолом-Алейхем в костры вместе с другими ценностями мировой культуры. И как, право, недалеко ушли от них нынешние оголтелые сионисты, всячески старающиеся очернить имя и творчество великого художника, обвиняющие его и в оскорблении евреев, и в неуважении к национальным традициям своего народа, и чуть ли не в издевательстве над заветами предков...

Произведения Шолом-Алейхем оказали и продолжают оказывать огромное влияние на развитие прогрессивной современной литературы. Это благотворное влияние сказывалось и на творчестве таких больших мастеров советской еврейской литературы, как Ошер Шварцман, Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Лов Квитко, Перец Маркиш, Арон Кушниров, Самуил Галкин, Ицик Фелер, Дор Нистор, Иззи Харик, Арон Вергелис, и других.

О расцвете советской еврейской литературы свидетельствуют выходящий вот уже более двадцати лет ежемесячник «Советский Геймланд» и огромные тиражи книг на идиш. Бессмертно имя Шолом-Алейхем, как бессмертно его яркое, гуманистическое, пронизанное любовью к человеку творчество.

Сергей БАРУЗДИН